

Кирилл КОВАЛЬДЖИ – известный российский поэт, прозаик, литературный критик, публицист и переводчик, секретарь Союза писателей Москвы, Лауреат литературной премии Союза писателей Москвы «Венец» (2000), Заслуженный работник культуры РФ (2006), автор более десяти поэтических сборников, из которых основные «Обратный отсчёт» (2003), «Зёрна» (2005), «Избранное» (2007), «Дополнительный взнос» («2012), а также романа «Лиманские истории» (1970), книги «Моя мозаика. Или по следам кентавра» (2013). Дополненное издание «Свеча на сквозняке» (1996) выдвигалось на соискание государственной премии России. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Октябрь», «Юность», «Нева», «Огонек», «Арион» и других.

Родился 14 марта 1930 года в бессарабском селе Ташлык (тогда Румыния, теперь Одесская область, Украина). В 1940 году переехал в Белгород-Днестровский, где окончил среднюю школу и Учительский институт. В 1954 году закончил московский Литературный институт им. М. Горького, работал журналистом в Кишинёве. Там же выпустил первый сборник стихотворений «Испытание» (1955). Член Союза писателей с 1956 года.

Живёт в Москве с 1959 года. Работал консультантом при Правлении СП СССР, зам. председателя Инокомиссии Союза писателей (1969), ответственным редактором журнала «Произведения и мнения» (1971), был зав.отделом и членом редколлегии в журналах «Литературное обозрение» (1972), «Юность» (1979), главным редактором издательства «Московский рабочий» (1992-2001), членом комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ (1995-2001). Работал в Фонде СЭИП, выпускал интернет-журнал молодых писателей «Пролог», в настоящее время – главный редактор интернет-журнала «Кольцо А».

* * *

Двадцатый век. Россия. Что за бред?
Сюжет невероятного романа,
Шальное сочиненье графомана,
Где не наложен ни на что запрет.

От океана и до океана
Империя, которой равной нет,
Вдруг распадётся и из мглы дурмана
Преображённой явится на свет.

Россия и двуглавой, и двуликой,
Растоптанной, великой, безъязыкой,
Отмеченной судьбою мировой

Встаёт до звёзд и валится хмельной,
И над её последним забуддыгой
Какой-то гений светится живой.

БАЛЛАДА О ДОМЕ

– Как я жил? Я строил дом
на песке. Волна смывала...
Только в детстве горя мало,
если можно всё сначала
и не важно, что потом.

Шёл по жизни с другом рядом,
с женщиной встречался взглядом,
оставался с ней вдвоём:
занят был одним обрядом –
возводил незримо дом.
– Не поэты строят дом,
а поэт рождён бездомным,
одержимым, неуёмным,
жить он призван под огромным,
под вселенским колпаком...

– Но война повинна в том,
что всю жизнь я строил дом.
Шла война стальным парадом
по садам и по оградам,
двери высадив прикладом,
сапогами, кулаком...
Что я мог? Я строил дом.

Спорил с холодом, огнём,
снегопадом, бурей, градом,
смертью, голодом, разладом,
одиначеством и адом:
что б ни делал – строил дом,
чтобы дети жили в нём,
чтобы женскою улыбкой
он светился день за днём...

Стены дома в жизни зыбкой
я удерживал с трудом.
– Хороши снаружи стены,
изнутри – нехороши
и чреваты чувством плена
одомашненной души.
Парадоксы – аксиома,
это женщине знакомо,
той, что за и против дома,
что бунтует и в тоске
молча делает проломы
в стенах и на потолке;
а ещё – взростеют дети
и мечтают на рассвете
дом покинуть налегке...

– Я любим и ты любима,
злые ветры дуют мимо,
но душа неизъяснима,
все мы строим на песке...
Я меняюсь вместе с домом,
он просвечен окоёмом,
мировым ночным объёмом –
дом висит на волоске,
он спасётся – невесомым,
рухнет, если – на замке.

Я хожу теперь по краю,
ничего теперь не знаю,
но перед любим судом
буду прав.
Я строил дом.

Россия – сутки в поездах.
 Простор – вопрос вопросов.
 Спор в коридоре, храп впотьмах,
 жилище на колёсах.
 Спор о житье-бытье в купе
 и в тесноте на полках
 о власти, будущем, судьбе,
 житейских кривотолках.
 Свобода, исповедь... Вагон
 Какие слышит речи!
 Здесь откровенности закон
 С гарантией невстречи.
 Народ вскипает на волне
 прекрасных, бесполезных
 идей – нет ни в одной стране
 длинней дорог железных.
 Успех и горе, смех и грех...
 Сошлись, спасаясь в беге,
 по паре тварей – этих, тех,
 как в ноевом ковчеге.
 Набит Россией весь вагон,
 а те, что прочих выше, –
 ну, нечто вроде vip-персон –
 те, верно, там, на крыше...

В ТЕ ГОДЫ

Как на площади Восстания – высотка,
 сталинская красotka:
 шпиль до неба!

Как на этаже двадцатом
 свадьба, а на десятом
 развод
 с кулаками и матом

Как на восьмом рожают
на седьмом умирают
как на втором обмывают медали
под звон бутылок

как в подвале –
пуля в затылок!

* * *

Ну, как вы там в раю? В неведении, что ли,
Что существует ад и вопли вечной боли?
А под землёй вулкан – не видно сквозь асфальт?
В большие города с неоновым фасадом
Вползают смертники, а с майским райским садом
Соседствует Содом и Бухенвальд!
Не внемлет слух, не различает око
Хотя бы одного среди рабов пророка!

* * *

Пусть по заслугам поэтам награда
или премия, но порой
на полке книги из первого ряда
перекочёвывают во второй,
или навек покидают полку,
когда от них поубавилось толку.
Переменчивая библиотека –
литературное зеркало века.

ФЕСТИВАЛЬ

Поэты читают стихи друг другу
у моря в Дворце красоты.
В саду противно кричат павлины,
как озабоченные коты...
Поэты вручают друг другу премии,
потом гурьбою идут на фуршет...
Есть южное море, есть ветер времени,
небо есть,
а читателей нет...

Айседора Дункан и Марина Влади,
 Вы спасение ради... увы... се ля ви...
 У Сергея стакан, игла у Володи,
 неформат европейской любви.
 Потому, что Россия со счастьем в разводе,
 В разладе, не в моде – зови, не зови...
 Но бессмертье Серёжи, бессмертье Володи -
 В беспределе русской любви!

СЕРДЦЕ ДРУГА

*Памяти поэта
 Рудольфа ОЛЬШЕВСКОГО*

Бронзовый, юркий, глазастый,
 с солнцем одесским в зубах,
 ах, по столице молдавской
 Рудик ходил на руках!

Он – колесом по бульвару,
 на анекдоты мастак,
 с голым талантом на пару
 этот весёлый босяк.

С голым талантом и солью
 причерноморской волны,
 с горькой мальчишеской болью
 неизлечимой войны.

Жизнь нечаянной дрожью
 в сердце простого юнца
 высекла искру божью
 и превратила в певца.

Время поспело иное.
 Рудик по лестнице лет –
 вверх, а болит большое
 сердце твоё, поэт.

С какой тоской безответной
тебя от молдавской земли
однажды высотные ветры
за океан занесли?

Чужая бессильна милость:
чужим чудесам вопреки,
сердце остановилось
на середине строки.

Знаю, останется с нами,
будет живым всё равно –
к вам он придёт стихами,
а мне без него – темно...

